

PG 3320

.I3 S45

1808

LIBRARY OF CONGRESS

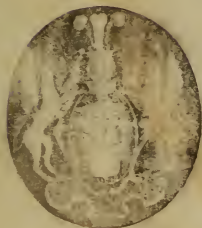

00004860664

Д Р А М М А .

СЕМЕЙСТВО СТАРИЧКОВЫХЪ,

или

За Богомъ молишва, а за
Царемъ служба не пропадаюшъ.

Д Р А М М А

въ імъ дѣйствіи,

взяшав изъ Анектода, случившагося
въ счастливое Царствование

АЛЕКСАНДРА І.

Сочиненіе

Федора И а.

МОСКВА.

Въ Типограф. Дубровина и Мерзлякова.

1808.

PG 3320
I 3 545
1808

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

- Губернаторъ - - - Г. Зловъ.
 Аграфена Старичкова Гж Лиси-
 цина.
 Паша, дочь ея - - Гж. Воробьева.
 Безстрашный, отсшавной Ун-
 шеръ-Офицеръ, безъ
 ноги и безъ руки,
 брашъ Старичко-
 вой - Г Кондаковъ.
 Алексѣй, Скульпшеръ, любовникъ
 Пашинъ - Г. Мо-
 чаловъ.
 Грабилинь, отсшавной подъячій
 Г. Сандуновъ.
 Сержантъ, Полицейской - Г. Фры-
 гинъ.
 Слуга Губернашора - Романовъ.
 Солдаты.

(Дѣйствіе въ домѣ Старичковой.)

104837
107

88-116306

1886.03/01/28

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ убогую горницу, столъ, нѣсколько скамей, на коихъ стоятъ бюсты, столъ и нѣсколько свершковъ бумаги.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алексѣй (работая рѣзцомъ).

Еще нѣсколько ударовъ рѣзцомъ, и работа моя кончена (садится и подумавъ нѣсколько), работа кончена, а съ нею кончашся и ясные дни мои... Ясные дни?... но имѣли ли я ихъ? — Развѣ ежеминутное ощущеніе невозможности быть щасливу, можно назвать ясными днями? Не ужели видя ежеминутно несправедливости людей, испытывая ежеминутно несправедливости судьбы, развѣ . . . ? но ахъ! что я говорю! развѣ присутствіе Параша, ея нѣжная попечительность,

а.

2477

ея спрашная любовь, развѣ обла-
 даніе сей Ангельской душою не
 сильны засшавишь забышь неспра-
 ведливости судьбы, людей, все
 все! — Да! я съ нею все забывалъ;
 и такъ ясные дни блиспали въ
 жизни моей! . . . Но за что же
 должно имѣ такъ скоро окончатъ-
 ся! . . . Развѣ не могу я ошкрыть
 шайну? Я получу деньги за работу
 мою и буду щасшливъ. . . . А
 кляшвы мои! . . . развѣ я не по-
 клялся всѣмъ что свято для меня?..
 Нѣтъ! прочь мысль преступная
 пусть лишусь я Парши, но оспа-
 нусь честнымъ человѣкомъ. . . .

Я В Л Е Н І Е 2.

Алексѣй и Безстрашный.

Безстрашный.

Богъ въ помощь, Алексѣй! къ
 тебѣ когда не зайдѣ, всегда въ ра-

бошѣ, да когда ты спишь? Вѣдь солнышко еще только — чинно проглянуло.

Алексѣй.

Нещасныхъ сонѣ корюшекъ.

Безстрашный.

И корюшекъ, да сладокъ.

Алексѣй.

Ахъ! это я знаю!! . . .

Безстрашный.

Мнѣ кажется, что злодѣй только вздрогиваетъ во снѣ, потому что совесть его будитъ, а добрый нещасливецъ спитъ на ней, какъ на пуховой подушкѣ.

Алексѣй.

А у добраго нещасливца поска въ душѣ, какъ злобщая пщца, поминутно спонетъ и гонитъ сонѣ отъ глазъ.

а..

Безстрашный.

Полно, братъ Алексѣй, кручинися — ты молодъ, здоровъ, руки у тебя золотые, сердце доброе: съ эшимъ не пропадешь на свѣтѣ, . . . Смоприш-ка, вопъ это всё швоя работа. Хвала Господину Богатону, что украшаетъ домъ свой ликами людей, которые украсили собою имя Руское! Вопъ это славной нашъ Фельдмаршалъ Румянцовъ — какъ шеерь на него гляжу — подъ Когуломъ онъ основилъ наше каре, которое было смѣшали Турки; спрашно, братъ, и вспомнишь объ эпомъ сраженіи, шупъ-шо Рускіе солдапушки постояли за Свяшую Русь. — А это Графъ Панинъ, видалъ я и его на конѣ предъ Рускими шшыками; ну, а это какой Руской солдапъ его не узнаетъ, — сердце его закипитъ, глядя на него, — это бапюшка нашъ, непобѣдимый Суворовъ — съ нимъ ходилъ я по степямъ Турецкимъ,

сѣ нимѣ я прошолѣ Польшу, Ита-
лію, перешолѣ чортовѣ мѣстѣ и
горы Швейцарскіе (вздохнувѣ),
гдѣ и оставилѣ руку сѣ ногою.
Вѣдѣ лики-шо ихѣ ты работалѣ,
Господинѣ Богатонѣ тебя за это
осыплетѣ золомомѣ; у него его вѣ
волю, вѣдѣ онѣ у насѣ былѣ опку-
щикомѣ, а эшому народу денежка
не попомѣ и не мозолью доспаешся.

Алексѣй.

Но ты забылѣ, Архипычѣ, что
я работаю не для Гна Богатона,
ты забылѣ о тайнѣ.

Безстрашный.

Эхѣ! шо-шо меня и крушитѣ,
что ты обѣщалѣ эшому басурма-
ну не сказывать никому; посмо-
при, онѣ скажетѣ, что работа
его; ему слава и деньги, а тебѣ
ничего.

Алексѣй.

Я обѣщалѣ и поклялся вѣ
помѣ, такѣ и бышь! Эшо уже не

въ перьвые, что иностранцы будутъ продавать нашу работу за выписную изъ чужихъ краевъ, да еще и шѣмъ, которые презрѣли ее въ рукахъ ее работавшихъ, и заплашили кучу золота Французу или Англичанину за ту же вещь; но она уже спояла въ Англійскомъ магазинѣ, на ней былъ чужестранной ерлыкъ, и Англичанинъ или Французъ требовалъ съ надменнымъ видомъ въ пятеро дороже того, чѣю просилъ наспоящій ея художникъ.

Безстрашный.

Ишь, я тебѣ въ помѣ, что ты получишь деньги отъ Гна Богашона; ты мнѣ не открывалъ тайны швоей, а вольно басурману ходишь къ тебѣ при мнѣ, ну, я самъ обо всѣмъ и догадался: такъ ты получишь деньги, женишься на моей племянницѣ Пашѣ, мы будемъ жить есѣ вмѣстѣ, ты будешь работать рѣзцомъ, Паша иглою, — я буду вамъ

разказывать про бапаліи, вы и старуха сестра будете меня слушать, а коли Богъ по душу пошлеть, вы мнѣ глаза закроете, а можетъ бышь я и внучатъ еще дождусь.

Алексѣй.

Полно, полно, не надрывай мнѣ сердца щастіемъ, копорого мнѣ не видашь.

Безстрашный.

Не видашь! — а почему? развѣ шебѣ дѣвка — шо ужь надобла? Э! . . . брашъ Алексѣй, спыдно!

Алексѣй.

Погоди, почтенный спарикъ, сбвиняшь меня; безъ Паши я умру, но она моею не будетъ.

Безстрашный.

Да почему же? — она дѣвка бѣдная, это правда — а родъ ея

честной, ужь за это я тебѣ отвѣчаю; отецъ ея былъ убогой, но доброй мѣщанинъ; я дядя ея Василий Архиповъ, сынъ Безспрашный, служилъ 25 лѣтъ землѣ Руской, прямо по присягѣ; братъ ея Иванъ Спаричковъ, также съ ружьемъ служитъ, его отдали изъ мѣщанства въ солдаты не за дурное поведеніе, а между нами сказать, по бѣдности, Голова попалъ на бѣдную вдову, а вступиться было некому, такъ послѣдняго кормилица опняли, а Паша дѣвка пригожая, добрая, руководѣльная.

Алексѣй.

Ахъ! кто болѣе сердца моего знаешь это!

Безстрашный.

Она работою рукъ своихъ кормитъ бѣдную, спарую мать свою: чегожь тебѣ лучше? . . . вѣдь не съ деньгами живешь, а съ добрыми

людьми; да тебя же, погляди, какъ наградишь Гнѣ Богатѣнъ, — чпо ни говори, а Бояре Рускіе любяшъ награждать искусниковъ и своихъ и чужеземныхъ.

Алексѣй.

Чужеземныхъ, эшо правда, а не своихъ; имѣ Рускова золоша не надо, дай грязь, да чужеземную.

Безстрашный.

Что ты, Алексѣй! да вѣдь Бояре нынѣшніе развѣ не дѣти или не внучата старинныхъ Боярѣ! А смотрика, бывало поразскажетъ покойной дѣдушка мой про старинныхъ-шо Боярѣ нашихъ — про Князя ли Долгорукова, про Головина ли, про Шереметьева, да и не припомнишь всѣхъ-шо, какъ они любили всѣ Руское, Царю вѣ глаза правду говорили, да и нынче, посмотри на нашихъ Офицеровъ: иной голубчикъ мой и уса еще не

брѣшѣ, а на сраженіи, кричишѣ солдатамѣ, „ребяшпа за мною“ а самѣ вѣпереди, такѣ вѣогонѣ и мечешся. Ну такѣ, какѣ же ты говоришь, что Бояре Рускіе не любяшѣ Россію?

Алексѣй.

Слава храброму воинству Рускому! Но что я сказалѣ, по знаю опышомѣ и по наслышкѣ.

Безстрашный.

Наслышкѣ невѣрь, а что съ побою случилось, по можетѣ не со всякимѣ случается.

Алексѣй.

Не со всякимѣ, это правда, но съ большею часнію нашей брашья бѣдныхѣ художниковѣ.

Безстрашный.

Алексѣй, я шебя знаю, ты малой доброй; надобно что бы шебя

крѣпко обидѣли, когда ты такъ жалуешься: скажи братѣ, — ты знаешь, какъ я тебя люблю, я съ тобою попоскую и въ двоимъ скорѣе горе размыкаемъ.

Алексѣй.

Выслушай, дай облегчить мнѣ сердце хоть мало, — Пашѣ я объ этомъ не говорилъ, это бы ее огорчило, а лязяли огорчать, что мило! — 8 мѣсяцовъ я живу съ вами вы, обрывая себя, помогаете мнѣ, и еще не спросивъ, кто я и что я?

Безстрашный.

Старики наши такъ живали, да и намъ велѣли: прежде помощи несчастному, а попомъ спроси, кто онъ шаковъ.

Алексѣй.

Я сирота бѣднаго ремесленника, во младенчесствѣ благодѣшельномъ опдалъ меня въ Академію Художествъ, тамъ образовали умъ

мой, и руки сдѣлались искусными, присѣло время моего выпуска, благошворитель мой, бывъ доволенъ моими успѣхами, взялъ меня къ себѣ, чшобы со мною отправишься въ чужіе края, дабы шамъ подѣ надзираніемъ его и по славнымъ образцамъ, могъ я усовершенствовашь способности мои. Мы отправились съ нимъ въ деревню его; онъ хотѣлъ прежде устроить щастіе крестьянъ своихъ, чшобъ покойно опъ нихъ удалишься. Все было кончено и завпра надлежало отправишься; но судьбы обрекли меня къ несчастіямъ, и не хотѣли, что бы кто-нибудь похишилъ у нихъ жершву ихъ — благодаритель мой скоропостижно умеръ (плачь) съ нимъ я всего лишился: со всѣхъ сторонъ налѣзли наслѣдники, и я былъ въ горестной необходимости видѣшь въ печальныхъ одеждахъ, съ веселыми лицами, жадныхъ наслѣдниковъ эшихъ, раздирающихъ имущество

моего благодѣшеля. Тутъ, при-
творные вздохи часто прерыва-
лись хохомъ, копорого они не
могли удержашь, глядя на золопо;
я думалъ, что искусствомъ моимъ
могу кому-нибудь изъ нихъ слу-
жишь, предложилъ его, показалъ
имъ мраморное изображеніе покой-
наго — но имъ извѣстна одна
рѣзба — Россійская Государствен-
ная монета рубль, а прочая имъ
кажешся вздоромъ, они предложи-
ли мнѣ за бюстъ 25 Р. Ассигна-
цію, а самому велѣли искашь мѣ-
ста, я не стану говоришь шебѣ,
что чувствовало тогда сердце мое.

Безстрашный.

А покойной-то былъ одинокой?

Алексѣй.

Онъ не былъ женатъ.

Безстрашный.

Всегда, братъ, такъ бываетъ,
одинокому и умереть худо, никшо
не поплачешъ, а многіе порадуошся.

Алексѣй.

Я отвергъ ихъ деньги и, схватя изображение незабвеннаго сердцу моему человека, побѣжалъ; не оглядываясь въ городъ. Тамъ ты меня встрѣтилъ ищущаго приспанища, силы мои меня оставили, лихорадка была во всѣхъ жилахъ моихъ — Ты! (взвѣвъ его за руку) А! этой минутой я никогда не забуду, ты сжалился надо мною, ты привелъ меня къ почтенной сестрѣ твоей, ваши попеченія возвратили меня къ жизни. Я выздоровѣлъ и, видя недоспашки ваши, пылалъ желаніемъ помочь добродѣтельному семейству, бѣгалъ по городу, искалъ работы, и вездѣ слышалъ одно *не надо*. Сердце мое надрывалось, наконецъ узналъ я, что Гнѣ Богатонъ спроститъ себѣ великолѣпный домъ и украшаетъ его всѣми искусствами, ты помнишь этотъ день, съ какою радостію вѣжалъ я сюда,

сѣ какую поспѣшностію забралъ
 моя слѣпки, и сѣ какую быспро-
 шую побѣжалъ по большой дорогѣ —
 Я прихожу къ Гну Богашону, обо
 мнѣ докладываютъ, наконецъ мнѣ
 велѣно войти, Гнѣ Богашонѣ си-
 дѣлъ за обѣдомъ; окруженный ино-
 странцами, я гѣшовясь вѣ чужіе
 края учился самъ двумъ языкамъ,
 слѣдственно и могъ понимать раз-
 говоръ ихъ. Хозяинъ спросилъ
 меня, что ты за человекъ? я
 скульпшеръ, сударь „Скульпшеръ!
 вскричали Иностранцы, вѣ такихъ
 лахмотьяхъ!!“ Я былъ вѣ этомъ
 сѣромъ сершукѣ, потому что шести-
 мѣсячная лихорадка, Лекаря и Ап-
 текари, какъ моль, сѣбли все, что
 у меня было. „Ты скульпшеръ?“
 вскричалъ также Гнѣ Богашонѣ,
 Иностранцы же подхвашили, онѣ
 похожѣ болѣе на печника, нежели
 на скульпшера; слезы у меня
 брызнули изъ глазъ, я бѣденъ су-
 дарь, сказалъ я хозяину, но не са-
 мованецъ, и не похваюсь шѣмъ,

чего не знаю; я почно Скульптеръ, а не печникъ. Ешьли я вамъ надобенъ, посмотрише работу мою; но не прикажите меня обижать. — „Да развѣ ты разумѣешь по Француски? — “ по несчастію, сударь, понимаю карканье вороновъ эшихъ, кошорые прилѣшаютъ кормиться на поля Рускіе.

Безстрашный.

Такъ братъ, Алексѣй, такъ! — ужъ не сполать нашимъ барамъ, что они за понибрата съ эшою челядью — Да добро бы люди они были, а то побѣдѣ ли хорошій человекъ съ родины своей кормиться на край свѣта!!! Положимъ: для чего не приняшь чужеземнаго человекъ, для чего не дашь ему хлѣбъ, ну, покормилъ, да и Богъ съ нимъ, а то нѣтъ — иной самъ безграмотной, а училъ всему дѣшей Боярскихъ, иной бѣжалъ изъ полку, а здѣсь Графъ или Князь,

а наши-то, разиня ротъ, слушающѣ его враки, за сполъ съ собою сажаящѣ, на рукахъ носящѣ, да еще, не дай Богъ согрѣшить, иные дочерей своихъ выдающѣ за нихъ: ну, чему бытъ шумѣ хорошему! — Да, чай гдѣ этому бытъ? мнѣ что-то и не вѣрился, а коли это да правда — шо плохіе годы пришли.

Алексѣй.

Не наше дѣло осуждать, пусть дурачится всякой, сколько хочешъ; пусть бы иной самъ влѣзъ во Францускую кожу, лишь бы Руское шо не презиралъ.

Безстрашный.

Какъ не презиралъ? — да не ушно есть шакіе? — да видно, ты говоришь про пѣхъ, которые заперты вѣ домахъ съумасшедшихъ.

Алексѣй.

Нѣтъ — всѣ по волѣ ходятъ. А есшьли бы за это запирали въ сумасшедшіе дома, по пол-Москвы и пол-Питера были бы за железными решешками, а иной еще и на цѣпь бы угодилъ; но до слушай, какъ со мною поступили.

Безстрашный.

Эхъ! баря Полурускіе! кабы встали шеверъ ваши прадеды, по худо было бы спинамъ вашимъ.

Алексѣй.

„Не сердись, бращецъ; сказалъ мнѣ хозяинъ, и покажи швою работу “ Я подалъ слѣпки мои и бюстѣ благодѣтеля моего. Гнѣ Богачонъ вскричалъ: „это Василій Андрѣевичъ Добромысловъ! это ты работалъ? — “ я, сударь, онъ былъ мой благодѣтель. Иностранцы начали судить работу мою, всякой изъ нихъ называлъ себя Арши-

этомъ; шупъ то я видѣлъ, что
 безспыдство, наглость, и скорой
 наборъ словъ, которые большая
 часть иностранцевъ къ намъ при-
 возяшъ, очень часто задавляютъ
 скромныя и робкія познанія Рускихъ.
 Наконецъ называющій себя скульп-
 шеромъ, сказалъ: „однакожь этошъ
 малой могъ бы бышъ скульпше-
 ромъ, когда бы я ему показалъ
 настоящія правила искусства
 его,“ — и началъ говорить столь
 унизительно про все, чему и какъ
 учашъ и учашся у насъ въ Россіи, —
 Кровь моя закипѣла, я вырвалъ
 бюштъ изъ рукъ его, и, обращясь
 къ хозяину, сказалъ, и вы можете
 это слушать!! и собака не лаетъ
 на того, чей хлѣбъ ѣстъ. . . .
 Чшожъ ты думаешь, сказалъ хо-
 зяинъ?

Безстрашный.

Чшо шупъ говорить? — разкроилъ
 ему лобъ шарелкой, да и только.

Алексѣй.

Совсѣмъ нѣтъ — „это правда, сказалъ мнѣ онъ, но они меня забавляютъ своею откровенностію, а ты слишкомъ дерзокъ!!“ — Надобно тебѣ сказать, что полу Рускіе Дворяне эти, называютъ дерзость въ устахъ иностраннѣхъ неприужденностію, а истинную откровенность, изображенную на Рускомъ языкѣ, дерзостію.

Безстрашный.

Да что за чершовщина въ нихъ вселилась!

Алексѣй.

„Работы швоей мнѣ не надобно, сказалъ разсердясь Гнѣ Богачонъ; ты видишь, всѣ попребные аршишны для украшенія дома моего уже набраны — спупай!“ Я опкланялся и хотѣлъ идти, какъ хозяинъ сказалъ слугѣ своему, показывая на меня: „ежели онъ не обѣдалъ,

то вѣли накормишь его со псарями; когда станушѣ обѣдать“ Это пробудило всю гордость мою, начинающую уже дремать отъ неуспѣховъ. Я обратился къ нему и сказалъ: „псаря — люди, и съ ними обѣдать конечно менѣе обиды, нежели слушать все, что вы слышали отъ этой саранчи“ — и вышелъ отъ него, все что есть горестнаго, все раздирало душу мою. Невозможность удовлетворить благодарности, страстная пламенная любовь, безъ надежды быть счастливою соединеніемъ съ Пашею, огорченное самолюбіе, оскорбленіе имени Рускаго, — все это вмѣстѣ составляло адъ въ сердцѣ у меня. Эшаго еще мало, пришедъ домой, какое зрѣлище представилось мнѣ! — Ты помнишь, какъ алчные займодавцы приступали къ бѣдной сестрѣ твоей; но ея брызбы, Пашины слезы, твои увѣренія и мое поручительство едга могли смягчить ихъ, они отсрочили — Я

побѣжалъ искать работы: все тщетно — думалъ, что слезы помогутъ, и полѣтелъ онянѣ къ Богатому, чтожъ нашолъ я тамъ? — однѣ насмѣшки — Тутъ самоубійство уже представилось мнѣ облегченіемъ отъ бремени несчастій моихъ.

Безстрашный.

Безжалостные! да что и говоришь, какой добродѣтели ждешь отъ такого барина, у котораго сердце не бьется при словѣ *отечество*, и который окружилъ себя такими, которые оставили родину, братьевъ, друзей для того, чтобы обогатиться, и которые, проси Господи! за деньги и вѣру перемѣняютъ.

Алексѣй.

Я шолъ скорыми шагами, самъ не зная, куда, какъ вдругъ меня остановили, но былъ одинъ изъ аршистовъ Богатоновыхъ, и имя-

но топѣ, который хотѣлъ показать мнѣ правила искусства моего. — Другѣ мой, сказалъ онѣ мнѣ, я дамѣ тебѣ работу; я готовѣ былѣ пастѣ къ ногамѣ его, но вспомнилѣ слова его о Россіи, оспановилъся — Я пребую тайны, подхватилѣ онѣ, — слушай, я взялся здѣлать бюсты Генераловѣ Рускихѣ, но мнѣ недосугѣ, сдѣлай мнѣ ихѣ и ты будешь мною доволенѣ; но чшобѣ не знали о твоей работѣ, я ему сказалѣ, за тайну опвѣчаю, но я не имѣю мрамора, ты его получишь завтра, сказалъ онѣ — на другой день подлинно я получилѣ его, и ты знаешь, сѣ какою неусыпностію шрудилъся я.

Безстрашный.

Правда, правда, что шрудилъся, что называется безѣ привалу.

Алексѣй.

Ты знаешь, какѣ часто ходилѣ ко мнѣ эшошѣ Лефурбѣ, заказав-

шій мнѣ работу — Наконецъ, увидя шруды мои, согласился дать мнѣ денегъ, припоминая все ошайнѣ, я все обѣщаль и на крылахъ радости полѣшелъ къ заимодавцу, заплашилъ и въ остальныхъ получилъ опсрочку — Время опсрочки кончилось, и работа моя шакже; но Лефурбѣ уже двѣ гедѣли не былъ у меня, я шайно вчера ходилъ къ нему, мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ Москву и шамъ занемогъ. Я не имѣю надежды получить денегъ, а сего дня срокъ, и ежели не заплашимъ, то эши изверги придуть, и чего не сдѣлають они, можотъ бытъ, шюрма! — Параша въ шюрмѣ! Ахъ! эша мысль мнѣ злѣе смерти Какое поношеніе!

Безстрашный.

Правда, безчестна шюрма — но въдь не всегда шотъ бездѣльникъ, кто наказанъ; а Богъ ви-

диплѣ, кто кого обидиплѣ — кабы я былъ съ рукою да съ ногою, такъ бы и бышь, здѣсь теперь вербуютъ Гусарской полкъ — пошолъ бы опячь служишь Государю, лишь бы выкупилъ сестру.

Алексѣй.

Ты уже послужилъ, почтенный старецъ, тебѣ полно . . . Но скажи мнѣ, сколько даюшь денегъ тому, кто поидетъ служишь?

Безстрашный.

Не то по 30 ши, не то по 40 ку рублей.

Алексѣй (въ сторону).

Этого довольно, чшобы выкупить нещасное семейство — Параша будетъ свободна! . . . (къ Безстрашному) а гдѣ живетъ приемищикъ, какъ зовутъ его?

Безстрашный.

Живешъ онъ на концѣ нашей улицы, а зовушъ его Осипъ Егоровичъ Опорвиголова.

Алексѣй (пожавъ руку Безспрашчова).

Параша не узнаешъ тюрьмы.
(уходишь).

Я В Л Е Н І Е 3.

Безстрашный (одинъ).

Что съ нимъ сдѣлалось! — онъ какъ шальной побѣжалъ! — Не ужъ-то онъ залишется въ Гусары! . . . нѣтъ! — видно пріемщикъ ему знакомъ; онъ, услыша его имя, къ нему побѣжалъ: авось онъ ему поможетъ: вѣдь онъ служивой, а служивые не какъ опкупщики, они близки къ смерти, то деньги имъ пыль, а опертая слеза бѣдняка насносящій алмазъ.

Я В Л Е Н І Е 4.

Безстрашный и Паша.

Паша.

Алексѣй! Алексѣй!

Безстрашный.

Нѣшѣ швоего Алексѣя.

Паша.

Здравствуйте, дядюшка, гдѣ же онъ? сего дня мы его еще не видали.

Безстрашный.

Да! вольно тебѣ долго спать.

Паша.

Ахѣ, дядюшка! вы знаете какой нынче день, шо до сна ли? . . . Машушка во всю ночь глазѣ не смыкала, все проплакала (плачешь) сего дня намѣ шюрьма обѣщана.

Безстрашный (ушперевѣ глаза).

Полно, полно плакать шо-слезами не поможешь — вѣдѣ вы должны прищипать рублей, а заи-

модавецъ вашъ Грабилинъ просилъ процентовъ по гривнѣ на рубль въ мѣсяцъ; (показываетъ мѣшокъ) ну, вошъ, милоспивые Командиры выдали мнѣ пенсію впередъ за прешъ, мы опдадимъ при рубли, а въ мѣсяцъ авось какъ нибудь исправимся.

Паша.

Да согласяшся ли они? . . .

Безстрашный.

Будемъ просить, да кланяшся.

Паша.

Алексѣй-то хопъ бы что нибудь поговорилъ съ машушкою; онъ всегда ее шакъ успокоилъ своими разговорами, что она и горе забудешъ.

Безстрашный.

Что Алексѣй малой умной, то нечего и говорить — да на свѣлѣ ша лихъ шакъ ведется: одному умъ, другому шаспье — Дуракъ

со щаспьемъ что задумалъ, то какъ сонъ въ руку, а умной изъ одного хлѣба мечется, какъ угорьбой. . . .

Паша.

Богъ знаетъ, что дѣлаетъ — Кабы дураки были еще и нещасливы, то бы съ голоду померли.

Безстрашный.

И вѣдомо такъ — Ну кабы нашъ Засѣдатель Дурындинъ не выигралъ ста тысячъ въ каршы, куда бы онъ годился? Ну кабы у хромаго Исправника нашего не было пригожей жены, то ему не бывать бы и сопцкимъ . . . Да, полно! не всякой за такимъ щаспьемъ погонишся.

Паша.

Кабы да мы долгъ свой заплашили. . . .

Безстрашный.

Ну, а шамъ бы веселымъ пиркомъ да и за свадьбу — ась, Паша! не такъ ли?

Паша.

Ахъ, дядюшка! кажется не ви-
дашь мнѣ эшаго щастія.

Безстрашный.

А почему же? . . . и! брашъ Па-
шинька! бѣднинькой охъ, а за
бѣднинькимъ Богъ. . . . Авось
можешъ бышь и брашъ швой вый-
дешъ вѣ отспавку, вотъ уже онъ
25ть лѣшъ выслужилъ; мы зажи-
вемъ всѣ вмѣшъ, и работа пой-
детъ споручнѣ.

Паша.

Да живѣ ли еще онъ? — Какъ
пошолъ вѣ походъ, то писалъ къ
намъ; а съ шѣхъ поръ не слы-
хашъ о немъ.

Безстрашный.

Коли убилъ, то Свяшая церь-
ковъ о немъ молишь спанешъ; а
коли живѣ, то за Богомъ молишь,
а за Царемъ служба не пропада-
ющъ отспавяшъ вѣ инва-

лидѣ, или въ чистую съ пенсією, хоть не много, да заслуженное никто не попрекнетъ — Ба! да вотъ и старуха наша щацишся.

Я В Л Е Н І Е 5.

Тѣ же и Старикова.

Безстрашный.

Ахши, сестра! да ты все всеши! Ну полно, вѣдь ужъ шы глаза выплакала слезами, горя не убавишь.

Старикова.

Ахъ, голубчикъ бращецъ! тяжело на старости разсвавався съ родимымъ гнѣздомъ, и искашь смертной постели въ шюрмѣ... Кабы дитятко мое Иванушка былъ при мнѣ, то бы эшаго не случилось. — Нѣшу въ году Божьяго дня, чшобы я не плакала на безжалостныхъ, которые опняли у меня кормилица и погубили спа-

руку съ бѣдною дѣвкойю
 (всѣ плачуть) Да гдѣ же Алексѣй?
 Сердечушко мое — ужь онѣ мечет-
 ся, какъ рыба объ ледѣ бьется,
 чшобы гдѣ денегѣ доспать, да
 видно мое безщастіе къ нему при-
 стало, работу заказали, и шу не
 берутъ.

Безстрашный.

Сестра, заимодавецѣ швой вѣдь
 человекѣ, а не бѣлой медвѣдь;
 авось и ояшь уговоримъ. — Да, вѣдь
 онѣ проговаривалѣ о проценкахѣ? —
 ну вошѣ они гошovy!

(Слышень шумъ).

Старикова.

Сердце замираешѣ Па-
 ша, посмотри, кшо шамѣ спучилѣ.

Безстрашный.

Я думаю, Алексѣй пришолѣ,
 кому такѣ рано? . . . еще и обѣ-
 денѣ нѣшѣ.

Паша (посмотрѣвъ въ
двери).

Ахъ!

Безстрашный, Старикова
(вмѣстѣ).

Что тамъ?

Параша (въ слабости дохо-
дитъ до скамьи и са-
дился).

За нами пришли солдаты по-
лицейскіе.

Старикова.

Боже! буди воля твоя святая.

Безстрашный.

Какъ рано поднимающся зло-
дѣлашъ! . . .

Я В Л Е Н І Е 6.

*Тѣже и Грабилинъ, сержантъ
и солдатъ Полицейскіе.*

Грабилинъ.

Богъ на помощь любезные! —
(всѣ молчашь, онъ смотритъ на Пашу)
Эта любезная дѣвица нездорова,
блѣднехонка! (подошедь къ Старич-
ковой, которая, закрывъ глаза плачетъ)
шутъ горюютъ, (къ Безстрашному)
здравствуй, любезной!

Безстрашный.

Здравствуй, Гнѣ Грабилинъ!

Грабилинъ.

О чемъ любезный призаду-
мался?

Безстрашный.

Я не думаю — а гляжу, и до-
жидаясь, что ты скажешь, гля-
дя на бѣдныхъ сиротъ этихъ,
которымъ, ты самъ видишь, какъ
любезенъ приходъ швой.

Грабилинь.

А что мнѣ скажешь, любезный? —
У меня одна пѣсенка, гошovy ли
денежки?

Безстрашный.

Только?

Грабилинь.

Любезный — больше никакой
не знаю.

Безстрашный.

Ну, ежели не гошovy?

Грабилинь.

Тогда, любезный, не прогнѣвай-
ся — шюрма . . .

Старикова.

Боже мой!

Безстрашный.

Тюрма — Какъ у тебя языкъ
поворошился сказать это? — Ну,
Господинъ Грабилинь, не даромъ

тебя изъ приказа-то выгнали, да и по шерсти собакъ имя дано.

Граблинъ.

Не огрызайся, любезной, я Провинціальной Секретарь, даромъ что изъ службы выгнанъ, а офиція-по не снята, и не тебѣ чета, мнѣ вѣ поясѣ кланяются, любезный мой!

Безстрашный.

Сказалъ бы я тебѣ, поспылой мой, все, что у меня на сердце, да вошѣ для нихъ (показывая на старичковыхъ). Сперплю, изволь получить твои проценты.

Граблинъ.

Нѣтъ любезный, отдайте капиталецъ.

Безстрашный.

Ахъ, ты безсовѣстной! — Ты самъ говорилъ, что, получа проценты, подождешь еще мѣсяцъ.

Граблинъ.

Когда говорилъ, тогда бы и давать, любезный! А теперь дашь и по двѣ гривѣнки на рубликъ, да еще и поклонисья!

Старикова.

Башюшка Силуянъ Кузмичъ, я бѣ тебѣ рада и всѣ отдашь, да нѣшъ ихъ родимой, и по брашецъ пенсію свою отдаетъ за меня! (кланяясь ему въ ноги) Сжался надъ бѣдною вдовою.

Граблинъ.

Эхъ, Аграфена Кузминишна; мнѣ право жаль тебя, любезная, да вѣдь я самъ долженъ, съ насъ не ждѣть; ябѣдные челобитные за-прещено писать, доходовъ постороннихъ нѣшъ — Ну, посуди, любезная!

Безстрашный.

Да, вѣдь три рубли тебя не раззоряшъ.

Граблинѣ.

Три рубли не раззорятъ! —
Смотри, какъ поговариваетъ, шри
рубли! . . Нѣтъ, любезный — ты
пенсію получаешь, то денежки тебѣ
легонько доспаются, сирѣчь да-
ромъ, поэтому и не знаешь, какъ
тяжело ихъ доспавать, а вотъ
какъ: — Я дваццать лѣтъ купался
въ чернилахъ, да всеми неправда-
ми скопилъ капишалець, за што
и мѣсто потерялъ; то и вѣдаю,
что коли въ рубль да копѣйки
нѣтъ, то и рубль не полной.

Безстрашный.

Да, хоть за старые те грѣхи —
сдѣлай одно доброе дѣло.

Граблинѣ.

Кабы за эшо опять за сукно
посадили, хоть бы челобитные
мои велѣли принимашь, то такъ
бы и бышь, любезный.

Безстрашный.

Да, вѣдь душа тебѣ надобна.

Граблинъ.

А при душѣ и деньги надобны, любезный — безъ денегъ же и душа не душа.

Старикова.

Не погуби родной; подумай, что и Иванушку ты съ головою опдали въ солдаты — при немъ бы я не валялась въ ногахъ ни у кого.

Граблинъ.

Ну, что о томъ полковать — вѣдь, кому нибудь да служишь же, любезная.

Паша (бросается къ Граблину въ ноги.)

Сжался надъ несчастными! У тебя свои есть мать и дочери.

Граблинъ.

Вотъ еще и другая! Да хоть десятерыхъ пришли, такъ ничего не возмеше, мнѣ дайше деньги, (къ сержаншу) Господинъ сержантъ,

вамъ приказъ отданъ, изволь выполняшь, любезный.

Сержантъ.

Изволь, брашъ ошславной подъячій, я буду выполняшь, что приказано, мое дѣло солдатское -- да у тебя не ужели сердце каменное? какъ не сжалишься надъ ними.

Грабильнѣ.

Сидя въ судѣ, слыхалъ я часто эти басни, я уже приперѣлся; и за чужіе бывало деньги нѣшъ милости, а за свои и Боже меня сохрани; изволь-ка брашъ да вѣсти, куда приказано.

Безстрашный.

Грабильнѣ, развѣ тебѣ не умирашь? Здѣсь ны ошъ ссылки деньгами ошвершелся, которые у сиротъ да у вдовъ обобралъ, а тамъ они не помогутъ.

Грабильнѣ.

Берите ихъ, любезные!

Старичкова.

Помилуй, бапюшка! . . .

Паша.

Сжался! . . .

Грабилинъ.

Берите, берите, пора !!

Сержантъ.

Спунай, бѣдная старушка!!

Безстрашный.

Такъ возмите и меня — Судьи знаютъ, что я честной человекъ и повѣрятъ моей правдѣ; расскажу я все, что ты приписалъ въ роспискѣ лишнія деньги.

Грабилинъ.

Да, вѣдь въ роспискѣ этаго не явствуетъ, берите и дочьку-то, и дочьку-то, любезные! (сержантъ ведетъ Старичкову, а Пашу солдашь).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣже и *Алексѣй* (вбѣгая блѣдный, волосы въ безпорядкѣ).

Алексѣй.

Стойте! стойте!

Грабильнѣ.

А вотъ и поручитель, и его съими въ шюрму.

Алексѣй.

Вотъ деньги — чернильная душа! и ты имѣлъ сполько корыстолюбія, чшобы равнодушно видѣшь слезы ихъ! . . .

Грабильнѣ.

Слезы — вода, любезный! чего ихъ бояться? Вотъ страшно, коли деньги пропадутъ.

Алексѣй.

Возьми свои деньги — поношеніе чловѣковъ! — подай росписку.

Грабильнѣ.

Хорошо, что не вѣлено моихъ
челобитенѣ принимашь, а то бы —
безчестіе заплалилъ дружокѣ.

Паша (бросясь къ Алексѣю):

Алексѣй! другѣ мой!

Старичкова.

Красное мое солнышко!

Грабильнѣ.

Да, гдѣ ты взялъ денежки-то?
— не схимисшилъ ли гдѣ?

Алексѣй.

Счишай, бездушная пварь, и не
суди по себѣ ни о комѣ. . . .

Грабильнѣ.

Да щипашь не усшашь — По-
смотримѣ, всѣ ли номера (разсма-
тривашь).

Алексѣй (Старичковой).

Сядьте мамушка, вы пакѣ сла-
бы (Грабильну) Извергѣ!

Параша (Алексѣю).

Избавишель нашъ! . . .

Грабилинъ.

Нѣтъ, брашъ, мои ассигнаціи были новенкія, а эти въ рамкахъ; шупъ хоть по пяшаку на бумажку надобно промѣну.

Алексѣй.

Гнусной корысполюбець! — (къ сержанту) Господинъ сержантъ, вы видите, я деньги ему опдалъ, велише возвратить росписку.

Сержантъ.

Да, мы объявимъ въ полиціи, что онъ беретъ по гривнѣ на рубль проценшу, ежели не опдастъ добровольно росписки.

Грабилинъ.

Возмише, возмише, вотъ она; за добра ума отвязашься отъ нихъ, а по вѣдъ полицейскіе эти цѣпки. . . . (опдаеть росписку, и уходитъ, за нимъ полицейскіе).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже (безъ Грабилина и полицейскихъ).

Алексѣй.

Машушка! подите успокойшесь, а ты, Пашинька, побудь при машушкѣ.

Старикова и Паша.

А ты, Алексѣй. . . .

Алексѣй.

А я понесу работу, за которую получилъ деньги.

Старикова.

Не чѣмъ мнѣ заплатить тебѣ, мой другъ, за добро твое, одно у меня сокровище; вотъ оно, — (показывая на Пашу) возьми ее! — будь на васъ мое благословеніе! . . .

Алексѣй.

Боже мой! . . . Пашинка! — Машушка! (въ сторону) о злополучный Алексѣй! . . . Мы васъ опведемъ, машушка, вамъ нуженъ покой. (уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е 9.

Безстрашный (одинъ).

Какъ гора съ плечъ эшотъ Гра-
 билинъ — Видно и впрямь знакомъ
 Алексѣю наборщикъ только,
 что-то сердце у меня іокнуло,
 какъ вошелъ онъ — лицо на немъ
 какъ будто не свое.

Я В Л Е Н І Е 10.

Безстрашный и *Алексѣй* (имѣя
 плашокъ на глазахъ,
 садится къ столу).

Безстрашный (сложивъ руки, и
 глядя на него).

Что братъ, Алексѣй! — видно
 сердце мое не даромъ іокнуло!

Алексѣй.

Все кончено!

Безстрашный.

Не ужъ ли?

Алексѣй.

Да! я солдатъ; (Безстрашный новѣсилъ голову, Алексѣй оперевъ глаза) но я избавилъ опъ поносной неволи все, что любезно сердцу моему. (взавъ Безстрашнаго за руку) Безстрашной! другъ мой, ты оешанешься съ ними, а я? . . . (бросается къ нему на шею и плачущъ оба.)

Безстрашный.

Что будешь съ бѣдной дѣвкою?

Алексѣй.

Я слышу голосъ ея — мнѣ должно явиться мой другъ! Возьми еще десять рублей; и возьми письмо — отдай ихъ Парашѣ — скажи ей, что бы она не плакала обо мнѣ.

Безстрашный (обнявъ его и зарыдавъ).

Не плакала? — да развѣ это можно!

Алексѣй!

Другъ мой! упиѣшай ихъ, сколько можешь — Я попрошусь у Ром-мистра просишься съ вами; а ежели не удастся, то (прясешь его руку) поминай обо мнѣ — Вотъ деревянная табакерка, копорую я самъ работалъ, и изъ копорой всегда нюхалъ шабакъ — возьми ее, она тебѣ будетъ напоминать объ Алексѣѣ. — Этошъ сюртукъ, уже мнѣ не надобенъ — на мнѣ царская одѣжа, (скидаетъ камзолъ и остается въ гусарскомъ дуламанѣ) отдай его бѣдному, копорой будетъ имѣть въ немъ нужду Ви-дишь, я уже не существую бо-лѣе для Паши. —

Я В Л Е Н І Е II.

*Тѣже и Паша.**Паша.*

Алексѣй, поди кѣ мапушкѣ.
(увидя его вскрикиваетъ и упадаетъ
въ обморокъ).

Алексѣй.

Боже! за чемъ мѣдлилъ я!
Помоги ей, мой другъ! — я не могу
видѣть слезъ ея. . . . (хочетъ уйти).

Безстрашный.

Не ходи — что скажу я ей въ
утѣшеніе? — Она умретъ — закрой
кошь глаза ей.

Алексѣй.

Боже мой! — человѣки! лютое
порожденіе! за 30 Р. разрывающся
два сердца однимъ дыханіемъ жи-
вущія — семейство цѣлое погибаетъ,
и никто не подаетъ руку помощи.

Паша (опомнясь).

Алексѣй! (бросается къ нему на
шею) Нѣтъ! ты меня не оспа-

вишь! — я на край свѣта за тобою побѣгу — и ничто меня съ тобою не разлучишь.

Алексѣй.

Пашинька! другъ мой! надобно покориться необходимости — намъ уже должно расстаться.

Паша.

Расстаться? . . намъ? . . И это Алексѣй сказалъ!! (заплакавъ) Нѣтъ! никакія силы меня къ тому принудятъ! — живи и умеришь съ тобою.

Алексѣй.

Другъ мой! . . не я солдатъ, сего дня иду въ походъ — а ты на кого покинешь бѣдную мать твою.

Безстрашный.

Не ужели и ты ее покинуть хочешь? . . . На толи она тебя вскормила, чпобы ты открыла ей гробовую доску?

Паша.

Машушка! — Нѣпѣ я себя не
 оставлю! — Дядюшка! Алексѣй,
 милый другъ мой! — скажите мнѣ,
 научите меня, какъ мнѣ быть? —
 Мать и любовникъ, какъ раздѣ-
 литься мнѣ между вами? — безъ
 того и безъ другога смерть моя!
 (плачущь.)

Алексѣй.

Она вѣ безпамятствѣ!
 Боже мой! что мнѣ дѣлать? . .
 Богачи! сколько вѣ сію минушу, мо-
 жетъ быть, рассыпаете вы золо-
 та на погубленіе невинности и до-
 бродѣтели, какъ одна горсть еѣ
 могла бы сдѣлать щастіе нѣсколь-
 кихъ людей! . . . А!! . . . но что я
 говорю? сердца ихъ облились золо-
 тою корою и глухи къ сненаніямъ
 несчастныхъ! . . . (къ Безстрашному)
 Другъ мой! — помоги ей — а я
 самъ имѣю нужду вѣ помощи.

Д..

Безстрашный.

По-но убивашь себя, Паранюшка, слезами Алексѣя изъ службы не воропишь; видно вамъ на родъ было написано жить вмѣстѣ душами, да розно домами — ты сама давеча сказала, что Богъ знаетъ что дѣлаешь — видно, Алексѣя тебѣ не суженой.

 Я В Л Е Н І Е 12.

Тѣ же и Старикова.

Старикова.

Что шумъ за шумъ? — Паша, что ты?

Паша (бросаясь къ матери).

Родная моя! погибла я!

Старикова (не видя Алексѣя).

Да что ты? что ты? дидяшко мое!

Паша.

Ахъ! Алексѣй въ солдапахъ! . . .

Старикова (увидя Алексѣя).

Алексѣй! Что ты съ обою и съ нами сдѣлалъ! садится на стулъ и заплакавъ) Побѣдная моя головушка! все, что я люблю, все отъ моею несчастія, какъ листъ отъ зноя вянетъ. (плачетъ).

Алексѣй.

Машушка, не вините меня, я не могъ перенести и самой мысли, чтобы видѣть васъ и Пашу въ шюрмѣ. За работу денегъ мнѣ не плащятъ — что было дѣлать? . . . записался въ Гусары и, получивъ деньги, отдалъ алчному Грабину. Я не разкаиваюсь въ этомъ — я отдалъ священнѣйшій долгъ благодарности.

Паша.

А о любви ты позабылъ, Алексѣй??

Алексѣй.

Не упрекай меня, Пашинька, иду умирашь, и ни о чемъ не жалью, кромѣ тебя — Ахъ! и для кого бы, кромѣ Паши и машери е могъ я рѣшился на то, на что рѣшился? . . .

Паша.

Нѣтъ, другъ мой! я тебя не упрекаю. . . . Теперь я чувствую что должно мнѣ сдѣлать для машери моей, когда ты для нее пожертвовалъ собою (залившись слезами). Спунай, милой другъ мой служи Государю — за добро твое будешь щасливъ; а я остану при машушкѣ, — авось скоро жизнь моя выпечетъ со слезами моими.

Алексѣй.

Я буду щасливъ? — безъ тебя? — Паша не знаетъ сердца своего Алексѣя Но мнѣ время явиться — Пашинька! (взявъ за руку) благодарю тебя отъ д

ши, за всѣ радостныя минушы дней моихъ; безъ тебя я бы не зналъ настоящей цѣны жизни, любовь твою я чщу перьвымъ благомъ посланнымъ мнѣ Творцомъ. (поцѣловавъ руку ея) Поплачь обо мнѣ мой другъ — но утѣшься и береги себя для мащери; она имѣетъ нужду въ твоей помощи и твоемъ утѣшеніи — Вы, мащушка, утѣшайте ее (становится предъ Старичковою на колѣни). У меня нѣтъ родной мащери, — вы заступали ея мѣсто, благословите меня мащушка и помолишесь, чшобы небеса, сжалясь надо мною, скорѣ послали мнѣ роковую пулю.

Старичкова (положа обѣ руки и голову къ Алексѣю на голову, зарыдала, и всѣ заплакали).

Да, сохранишъ тебя Богъ! кормильца моего, какъ ты насъ хранилъ!

Алексѣй (вставъ и обнявъ Безсрашнаго).

Проси, почтенной всинъ и любезный другъ! — пожелай мнѣ слу-

жишѣ *отечеству* моему съ такою же преданностію, какѣ ты самѣ служилѣ; а я тебя заклинаю, береги ихѣ. (обнимающся.)

Безстрашный (отеревъ слезы).

Алексѣй! ты идешь вѣ ту дорогу, по которой я 25 лѣтъ ходилѣ, и она мнѣ знакома — послушай брата, совѣта спараго служиваго: — люби Командеровѣ своихѣ, непріятелю смотри прямо вѣ глаза, и онѣ самѣ смигнешѣ опѣ тебя, безѣ отбою назадѣ не гляди, вѣ непріятельской землѣ обывашелей не грабь и не раззоряй — не солдатское это дѣло. Солдатѣ защитникѣ *отечества*, а не разбойникѣ — не посрами, братѣ, имя Руское, вѣдь мы Христіане, а не Французы: это мнѣ говорилѣ покойной бабюшка, а я говорилѣ это сыну ея, моему племяннику Шаричкову; оба мы совѣшу эшаго слушались, и были, не хвастовски сказать, славные солдаты! — Ну,

прости, братъ Алексѣй! Богъ съ тобою! (обнимаются.)

Паша (бросаясь къ нему.)

Возьми меня съ собою!

Алексѣй.

Пашинька!

Старикова (съ другой спороны)

Кормилецъ мой! — ужъ мнѣ тебя не видашь.

Алексѣй.

Безцѣнные мои! сжалъсье надомною, не надрывайте сердца моего.

Я В Л Е Н І Е 13.

Тѣже и Слуга.

Слуга.

Не здѣсь ли живетъ вдова Спаричкова? . . .

Безстрашный.

Здѣсь — а на что вамъ. . . ?

Слуга.

Губернаторъ пріѣхалъ (отворяешь обѣ двери).

Я В Л Е Н І Е 14.

Тѣ же и Губернаторъ (со свиною).

Губернаторъ.

Мнѣ надобно вдову Спаричкову.

Старикова (кланяясь).

Я вдова Спаричкова, Ваше Превосходительство!

Губернаторъ.

Здравствуй, почтенная мать почтеннаго сына! — я привезъ тебѣ печаль и утѣшеніе.

Старикова.

Какой печали еще ждешь мнѣ, отецъ мой? — Развѣ дочь опни-
душь? . . . а то все уже я потеряла!

Губернаторъ.

Старушка, скрѣпи сердце родилельское, ты лишилась сына безвозвратно; онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ за отечество и вѣру.

Старикова.

Умеръ!

Безстрашный.

Царство тебѣ небесное!

Алексѣй.

Еще ударъ! несчастные!

Паша.

Что еще шеряшь мнѣ!

Старикова (плача).

Дитяшко мое! — никто тебя не огорѣвалъ, не оплакалъ.

Губернаторъ.

Нѣтъ, почтенная старушка! огорѣвали его всѣ истинные сыны отечества, и всякой Руской, говоря о Шаричковѣ, съ умилениемъ

долженъ выкашпшь нѣсколько горячихъ слезъ изъ глазъ своихъ. Смерть его принесла болѣе славы для имени Рускаго, нежели тысяча жизней избѣженныхъ дворянъ, жадныхъ откупщиковъ и плаксивыхъ ханжей.

Безстрашный.

Ваше Превосходительство! простите старому солдапу, что перебьешъ Вашу рѣчь, — я родной дядя Старичкову, я отпускалъ его въ службу, сердце мое выросло, — слушающая милоспивыя рѣчи Ваши, скажише, какъ умеръ мой племянникъ?

Губернаторъ.

Какъ Герой — какъ Руской — съ пламенною любовію къ *отечеству*; Россія занимала послѣдніе минушы его жизни. Послѣ ужаснаго сраженія, гдѣ Рускіе снова показали, что ихъ можно иногда разспроить, но побѣдишь никогда —

Онъ былъ тяжело раненъ, и, увидѣвъ близъ себя плавающее въ крови знамя Руское, собравъ остатки силъ своихъ, приползъ къ знамени, сорвалъ его съ дрявца и щадельно спряшалъ на груди своей. Неприятель, разбирая дѣла, нашелъ его еще дышуща и взялъ въ плѣнъ съ нѣсколькими израненными его товарищами. Доколѣ длилась угасающая жизнь сего вѣрнаго сына Россіи, доколѣ пекся онъ о славѣ ея; но, почувствовавъ приближающійся конецъ дней, онъ позвалъ къ себѣ одного изъ товарищей своихъ, и, отдавъ ему знамя, со слезами умолялъ его хранить оное болѣе жизни своей и возвращаясь въ *отечество*, возвратишь его въ полкъ — Добрыя дѣла почти всегда вѣнчающа успѣхомъ — Герой умеръ! но повѣренный его, возвращаясь изъ плѣна, и знамя бывъ сохранено на вѣрной груди Руской, возвратилось въ полкъ.

Безстрашный.

Слава Богу! — Сестра, не плачь о немъ — За добрыя дѣла ешь награда на второмъ пришествіи.

Губернаторъ.

Есть, мой другъ! — но гдѣ мудрый и добрый Государь, тамъ подобный подвигъ не можетъ остаться безъ награды и въ сей жизни: до глубины сердца и до слезъ умиления былъ пронутъ симъ и нашъ любезный Монархъ; но, не имѣя уже возможности осыпать благодѣяніями Героя, получающаго теперь награду отъ Царя Царей — Онъ повѣлелъ отыскать родныхъ его и пролить на весь родъ Старичкова щедроты свои — Вотъ указъ: — „Машери, вскормившей Героя, жалуются въ попеченство при-
снѣ рублей ежегоднаго пенсіона; сестрѣ Героя тысяча рублей на приданое, а признательное *отечество* сохранишь въ роды родовъ имя Старичковыхъ.“

Старикова (упавъ на колѣни).

Опець мой! дайте мнѣ поцѣловать указъ эшопъ.

Губернаторъ.

Изволь, почтенная женщина! — Благодарность есть необходимая добродѣтель непорочнаго сердца.

Паша (упавъ на колѣни предъ Губернаторомъ).

Вы были Ангеломъ благовѣстителемъ, будыте теперь Ангеломъ хранишителемъ моимъ — Государь мнѣ жалуешъ приданое, но на что оно мнѣ, ежели не ошдастъ онъ мнѣ жениха моего? .. — одно Ваше слово возвратишъ мнѣ щасіе.

Губернаторъ (поднимая ее).

Мое слово? . . . можешъ сдѣлать двухъ щасливыхъ? . . . Говори! говори, любезная дѣвушка! — А! на что же мы поставлены правителями ввѣренныхъ намъ людей? — На что имѣемъ отъ Монарха де-

вѣренность и власть, какъ не на то, что бы извѣскивая несчастныхъ, опираешь ихъ слезы и помогаешь имъ?! — Горе тому, кто, принимая священную власть сию, смотритъ на свои одни выгоды, и отвращаетъ слухъ и сердце отъ вопля притѣвленныхъ пребывающихъ его вспоможенія; проклятія отъ человечества, презрѣніе отъ соотечественниковъ, гнѣвъ обманушаго Государя и суровое наказаніе законовъ, должно быть праведнымъ и необходимымъ возмездіемъ такому хищнику. (къ Пашѣ) Кто женихъ твой? скажи мнѣ, прекрасная!

Паша (показывая на Алексѣя).

Вотъ онъ — онъ сего дня записался въ полкъ!

Губернаторъ.

Зачислся въ солдаты?
но можетъ быть поведеніе его . . . ?

Безстрашный.

Самое честное — Я клянусь Вамъ совѣстью моею, и этими шрема медалями, Ваше Превосходительство!

Губернаторъ.

Но что же побудило его идти въ солдаты?

Безстрашный.

Доброе сердце, любовь и благодарность.

Губернаторъ.

Разшолкуй мнѣ это.

Безстрашный.

Извольте, Ваше Превосходительство! Сестра моя была должна выгнанному подъячему Грабилину трипцать рублей — заплапипть было не чемъ — Граблинѣ хотѣлъ посадить ее и дочь въ шюръму, и уже пришли за ними. — Алексѣй любитъ Пашу, сердце его замира-

ло, воображая любезную свою въ шюрмѣ, но, не имѣя способа вырчишь ее, онѣ записался въ солдашы — заплашилъ за нихъ долгъ, и — вотъ еще и послѣднія деньги мнѣ далъ, чтобъ я имъ отдалъ, когда онѣ уйдетъ — Судите, Ваше Превосходительство! дурной человекъ это сдѣлаешь ли? . . .

Губернаторъ.

Молодой человекъ! подойди ко мнѣ — дай мнѣ руку — будемъ друзьями! Офицеръ, набирающій гусаръ получилъ свои деньги, и по просьбѣ моей, освободилъ тебя отъ службы. (къ Пашѣ) Красавица, вотъ тебѣ свой женихъ!

Алексѣй и Паша (упадающъ на колѣни).

Губернаторъ.

Встаньте, встаньте! — будьте щастливы, пользуйтесь Царскою милостію, и поведениемъ своимъ спарайтесь учиниться ей до-

стойными, тѣмъ почтите вы на-
мять Героя Спаричкова.

Старикова.

Коли шеплыя молишвы съ ис-
кренными слезами доходяшъ до
Бога, по Государю нашему живъ
весчешные вѣки.

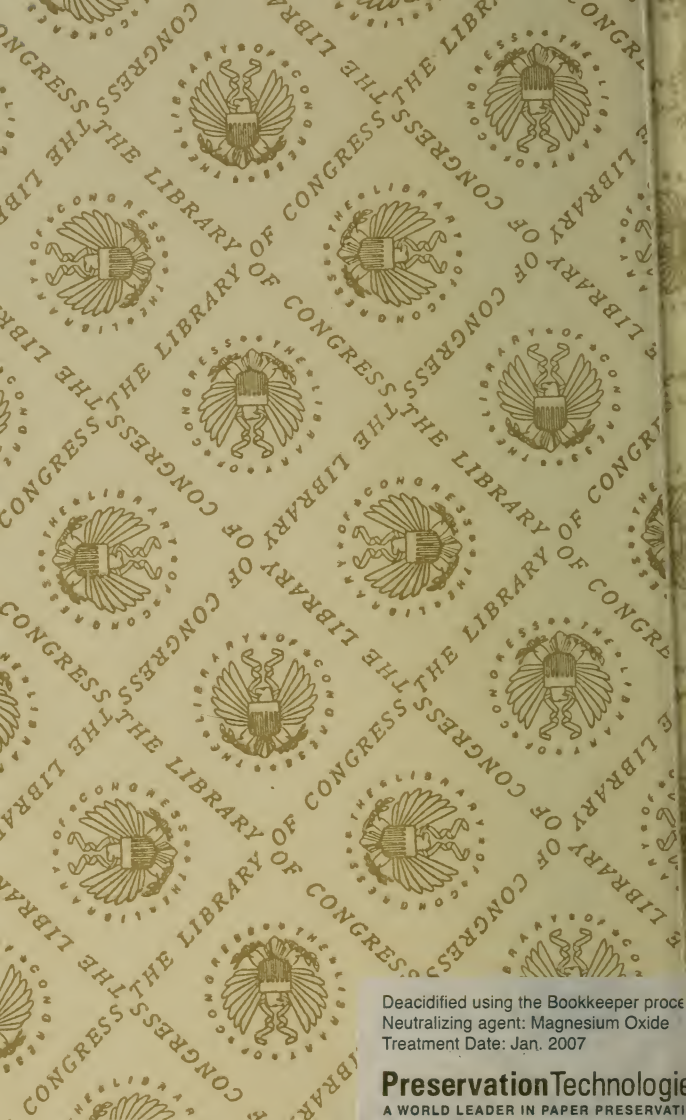
Безстрашный.

И конечно доходяшъ! — Посло-
вица не даромъ идешъ, чпо за
Богомъ молитва, а за Царемъ
служба не проладають.

К о н е ц ъ .

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа Император-
скаго Московскаго Университета.

Decidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Jan - Feb 1989
We're Quality Bound!

